

На поклоны в Мариинку

New York City Ballet отличился на родине Джорджа Баланчина

Коммерсантъ. - 2003. - 1 авг. - с. 13.

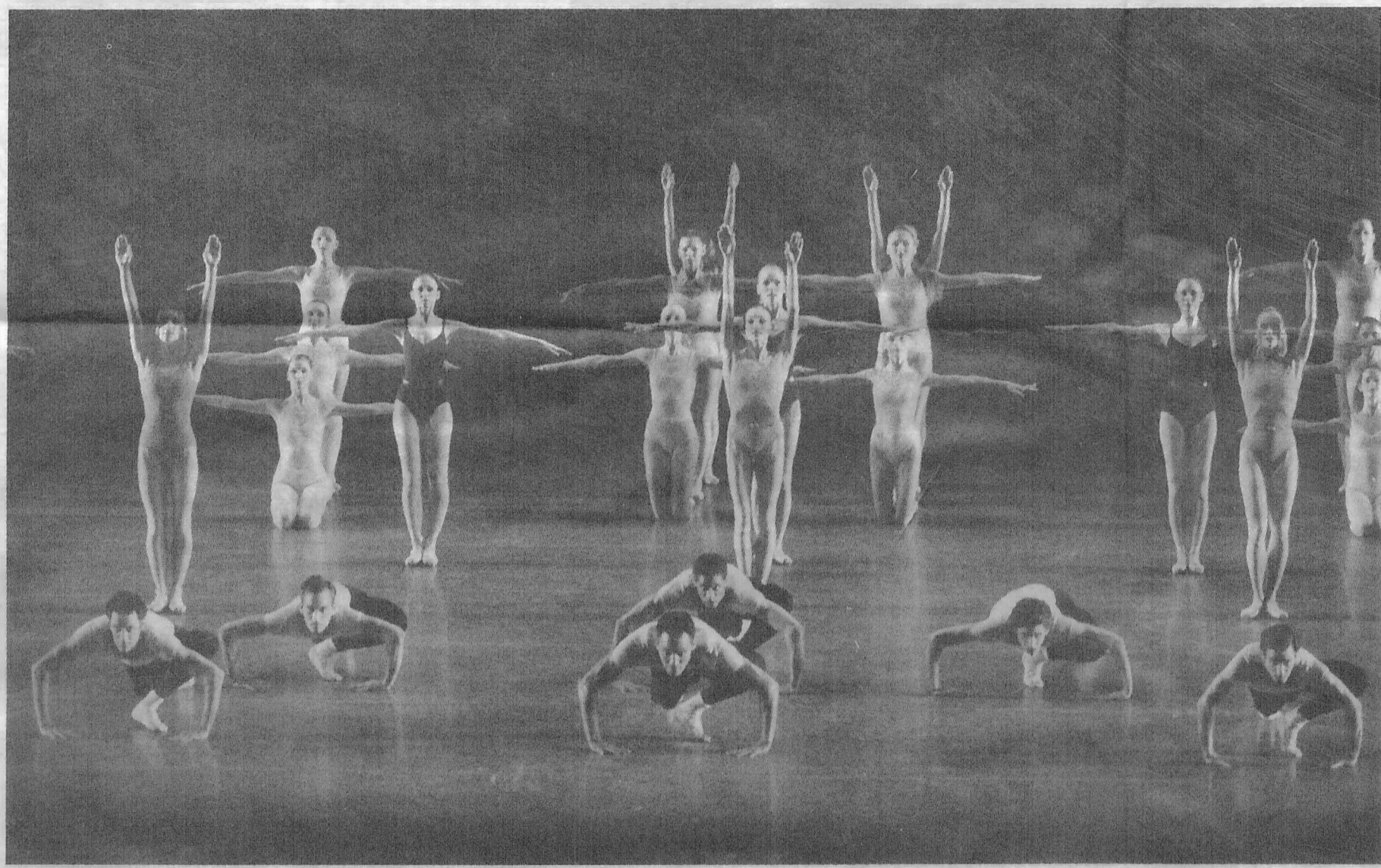
гастроли балет

В Мариинском театре программой одноактных балетов Джорджа Баланчина открылись самые ожидаемые гастроли: после тридцатилетнего перерыва в Петербург приехал New York City Ballet. Первое же выступление американцев стало одним из ярчайших впечатлений сезона, считает ЮЛИЯ ЯКОВЛЕВА.

New York City Ballet начался после войны как авторский театр одного хореографа — Джорджа Баланчина. Георгий Баланчивадзе родился и учился и начал танцевать и сочинять в Петербурге, в 1924 году эмигрировал из России, а в 1934-м уехал в Америку. Для New York City Ballet Баланчин продумал все: от концепции и репертуара до кончиков пальцев на ногах (в историю это вошло как цуанговая техника Баланчина). И когда в 1983 году хореограф умер, все ждали, что труппа сойдет за ним в могилу, как индийская вдова, — с авторскими театрами так обычно и бывает. Но вопреки прогнозам NYCB выжил и удержался в международном клубе балетных гигантов. По моему, в мире еще только три таких: лондонский Royal Ballet, парижская Grand Opera и наша Мариинка. Все три — выделанные, слегка уставшие, слегка утомленные собиранной многовековой историей европейцы.

Смерть Баланчина сравняла ставки. New York City Ballet тоже стал театром-музеем. И теперь ждали, что он придет в образе испуганного наследника, отчасти даже вырожденца, не дыша свободой от стружки и выставит на сцену хрупкие вещицы, доставшиеся от знаменитого дедушки.

Открывать гастроли американцы и впрямь решили самыми знаменитыми экспонатами: «Серенадой» Чайковского, «Симфонией в трех движениях» Стравинского и «Симфонией до мажор» Бизе. Это спокойные, академичные, давно признанные вещи. Первая и последняя, кстати, давно идут в повседневном репертуаре Мариинки именно по разделу «Золотая классика XX века». И именно эти вещи произвели в зале невиданный переполох. Я с ужасом

Американские танцовщицы казались словно спроектированными в бюро промышленного дизайна ФОТО НАЛГЕНТИНА БАРАНОВСКОГО

косилась на видимых в темноте людей в партере: спина напряженно выпрямлена, взгляд прилип к сцене. Конечности непроизвольно подрагивают, как бы под гипнозом отзываясь на движения танцовщиков; кто-то даже звенела люстра. Для балетного полупокойника, за которого многие до сих пор держали NYCB, согласитесь, неплохо.

Уже просто своей физикой труппа производит колоссальный эффект. Когда на «Симфонию в трех движениях» занавес открыл шестнадцать пар выставленных по диагонали ладных ног, в зале застонали балетоманы. Ни одного бракованного экземпляра — при том что все были одеты в безжалостные к

физическим изыскам белые кулачки. И когда на сцену вылетела ультравиртуозная Венди Виланд, в сравнении с ней померкла даже записная мариинская красавица Светлана Захарова: суховатые точные ноги легко несли узкобедное мальчишеское тело, а руки с мышцами теннисной звезды ловко и сильно брали форс в турах. Такое ощущение даже, что танцовщицы NYCB не уродились такими и вымуштрованы в Школе американского балета, а спроектированы специально для балета в каком-нибудь бюро промышленного дизайна.

Слухам, впрочем, поверить несложно: возможно, у себя дома, в Нью-Йорке, оттанцовывая текучку, эти же самые люди

вполне производят впечатление труппы, лучшие годы которой позади. Вполне возможно, что дома они танцуют, погруженные в размышления о своих лысых покрышках, дате аванса и ушедшей в загул няне. Но зная о потрясающей экзальтации, по-балетному очень наивной и по-американски немного смешной экзальтации, в которую при упоминании имени Баланчина моментально впадают обитатели NYCB, особенно приемы в отставке, можно предположить, что случилось в Петербурге. Баланчина там называли не иначе как «боженькой». Теперь они танцуют в его родном городе, в его родном театре. Большинство — впервые. И это как паломничество. Кордебалет

просматривался хорошо. На всех лицах было написано одно: в этот момент их «боженька», клубясь где-то среди пляшущих наяд на плафоне Мариинки, смотрел на них с небес. И они не могли его подвести. Даже когда Валерий Гергиев, дирижируя «Серенадой», выставлял нещадные темпы, они успевали за ним, пусть и жертвуя подчас согласованностью кордебалета. Даже когда непривычно узкая сцена Мариинки заставляла поджимать прыжки, они все равно умудрялись поражать легкостью, напором и размахом. И даже когда изощренный плотный танец вкупе с усилиями Валерия Гергиева почти не оставлял возможности для личной инициативы, этим девуш-

кам все равно удавалось еще круче заламывать траектории на поворотах, оттягивать паузы, точно выстреливать вверх попой и по-мужски уверенно и крепко слагивать концовки вращений. Мариинка танцует Баланчина с начала 1990-х. И ни разу нельзя было заподозрить, что он может быть таким. Что «Серенада» ужасно эротична. А «Симфония до мажор» вызывающе театральна. Несколько лет назад смяченный, задумчивый «русский Баланчин», привезенный Мариинкой в Нью-Йорк, вначале вызвал оторопь, потом пленил, а потом заставил считать себя художественным фактом. Теперь балачинская империя явилась и нанесла ответный удар.